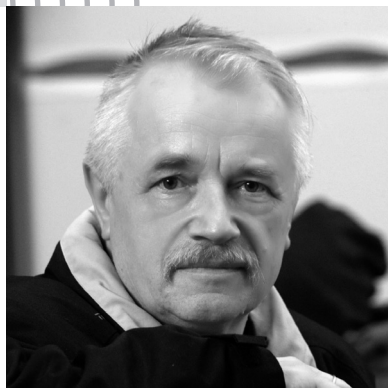

Виктор ШНИП
ТВОРИТЬ
ОТ ДУШИ...

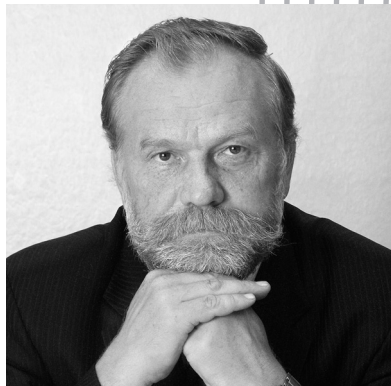
Баллады

БАЛЛАДА ИВАНА ПТАШНИКОВА

(7.10.1932 — 28.07.2016)

Готовишь к печати чужое.
Оно словно сено сырое,
Где мыслей и слов перекос...
За окнами не сенокос,
А черный асфальт. Он горячий.
Эх, выбраться б нынче на дачу,
Да в лес, да грибы собирать...
Ну, сколько ж чужое читать?!
А может, и правда сорваться
И день целый в поле скитаться,
А после писать о своем,
О ветре, что с тучкой вдвоем
Летит, исчезая за речкой
В лесу, где березки как свечи...
Но все это только мечты
Здесь, в городе душном, где ты
Готовишь к печати чужое,
Как будто свое и живое.
И вольным тебе скоро стать...
Вот тут бы писать да писать!
Но будешь сидеть у стола,
И будет бумага бела.
И мысль пронзит, словно стекло,
Что время писать истекло...

Виктор ПРАВДИН

НЕПОБЕДИМЫЙ ЗЛОМ

Роман-версия. Продолжение¹

*Седьмое апреля,
понедельник (утро)*

Батюшка Константин проснулся от боли в правом боку и неожиданной пронзительной тишины. С трудом привстал, глянул в потолок, надеясь увидеть на нем разводы утренней изморози, всегда пробивавшейся сквозь оконную толстую решетку, но холодная гулкая тьма сегодня как будто проглотила обычно бурную тюремную ночную жизнь, наполненную истязаниями, криками, стонами, мольбой о пощаде... Не слышалось шарканье тяжелых сапог надзирателей от камеры к камере, не звякали засовы на дверях, никого не тащили с допросов, не скребли каблуки по гулкому деревянному коридорному полу.

— Пресвятая Дева Мария! В святой день Твоего Благовещения моли Сына Твоего, Бога нашего Иисуса Христа, о милости к людям твоим, — прошептал иерей, перекрестился, прочел молитву «Достойно есть» и сразу ощутил облегчение и в душе, и в теле.

Мысли просветлели, вспомнилась ежегодная праздничная служба на Пречистую в новой, недавно освященной церкви. Какой радостью светились глаза людей, когда он, чувствуя за спиной взволнованное дыхание строителей, укладывал на полу последние ряды строительной плитки — для большинства прихожан материал невиданный, загадочный и от этого неопределенный в надежности. Мнения известных местных строителей насчет прочности маленькой тонкой блестящей плитки, привезенной даже из Москвы, звучали постоянно, и почему-то теперь те волнующие минуты вынырнули из далеких уголков разбуженной воспоминаниями памяти, ласково окутали, как приглубили душу умиротворением и покоем.

— Батюшка, видно, нам доведется круглый год в валенках в церковь ходить, чтобы не царапать и не пачкать сапогами такую красоту? — то ли спрашивал, то ли утверждал Илья Лозовик из фольварка Пялики.

¹ Начало в № 1 за 2025 год.

Валерий МАКСИМОВИЧ

МОЯ НАДЕЖДА И ЛЮБОВЬ МОЯ...

Из цикла «Мой мир». Стихи

В засилье робот-киборгов, машин,
В миру, насквозь фальшивом и обманном,
Так мало светлой и красивой гаммы
Среди изрядно выцветших картин.

В кривых зеркал причудливой стране,
Среди хмельного, чересчур, гулянья —
Никчемного, пустого гоготанья —
Неотразимый взгляд милее мне.

Его с каким-то трепетом, чудак,
Я на себе ловлю и вскользь ласкаю,
И тут же ненароком отпускаю
В необратимость, в никуда. Но так

Мне хочется его остановить
И задержать хотя бы на мгновенье
Души живой живое отраженье
И — втайне — незаметно полюбить.

Блуждающие взгляды вновь ловлю
И сам я, грешный, среди них блуждаю,
Себя наивно в мыслях утешая,
Что всех без исключения их люблю:

Проказливых, игривых, озорных,
Растерянных, сентиментальных, милых,
Стегнительных, суровых и ревнивых,
И даже настороженных и злых.

Елена СТЕЛЬМАХ

ДЕНЬ МИРА НАСТАНЕТ

Повесть. Окончание¹

Говорят, к хорошему человек привыкает быстро. То, что казалось несбыточным, вдруг становится реальностью. Кто бы сейчас в деревне вспомнил о строптивой горе? Даже старикам стало казаться, что они никогда на нее не сетовали. Дети, окончив начальную школу, в прямом и переносном смысле пошли в гору — в соседней деревне открылась десятилетка, и все направились на учебу туда.

Каждое утро Володька, живший в начале извилистой деревенской улицы, спал на законных полчаса больше, чем его школьные товарищи. Те, прошагав несколько километров, приуставшие, ожидали его на скамейке. Компанией идти в школу было веселей. Иногда после уроков и Володька плелся в конец деревни. Точнее, он старался держаться молодцом рядом с одноклассницей Анютой, которая, как и всякая девчонка, ужасно боялась гусей и собак, особенно любивших перед трусихой показать свою воинственность. Под видом ее благородного защитника парень хранил в своей душе какое-то неведомое ему ранее чувство, похожее на несмелый, только выскочивший из-под земли подснежник, успевший своим появлением обрадовать весь мир. Анюту могли проводить до дома и другие ребята, но девушка очень избирательно относилась к ним. Санторович ей казался добрым парнем, с которым легко общаться. Она его находила романтиком. Да и сама была такой же — фантазеркой. У них наступало время прекрасной юности: пора надежд, пора мечтаний, пора расцвета самых сокровенных желаний.

Иногда ребята подходили к школе, чтобы повстречаться с Марией Филипповной, у которой уже подрастала дочка Зоя. Учительница за неимением няnek нередко брала малышку с собой. Володьке доставляло удовольствие подурачиться с племянницей. А еще он любил постоять с Анютой у той самой памятной березки, посаженной в его первый

¹ Начало в № 1 за 2025 год.

школьный год. Деревце вытянулось, расправило крону, удивляло изящной белоствольной красотой.

Деревенский глаз зоркий, а язык цепкий. Парочку тут же окрестили женихом и невестой. Нередко им вслед посылали шуточное: «Вон пошла парочка: гусь да цесарочка». А они и не противились. Мечтали: придет время — поженятся. Анюте хотелось стать учительницей, чтобы быть похожей на всеми почитаемую Марию Филипповну. А вот Володька увлекся, как в деревне говорили, писаниной. К этому занятию его подтолкнула районная газета «Ударник», которую почтальон Артем, похожий на взъерошенного воробья, доставал из тяжелой сумки и втыкал в их калитку два раза в неделю. Артему не раз предлагали сложить полномочия. Мол, найдем письмоношу помощнее. Иногда он тащился совсем перекошенный — так сумка оттягивала его худое плечо. Но Артем всячески сопротивлялся. Ему нравилось быть на виду, балагурить с сельчанами, а то удавалось и чарочку пропустить — как благодарность за хорошую новость.

Районная газета пользовалась невероятной популярностью. Народные корреспонденты сообщали в ней о самых разных событиях, которыми, как бульба в горшке, бурлила колхозная жизнь.

Володьке вздумалось написать о конюхе Андрее. Вовсе не потому, что хотел к нему подлизаться, чтобы в клуб пускал, — парень уже был в том возрасте, когда заветные двери перед ним сами открывались. Андрей очень любил лошадей, и они, даже самые норовистые, подчинялись ему от одного взгляда. Тракторы, конечно, были в почете, но не менее ценными оставались и лошади. Без их помощи ни одно сельское подворье не обходилось, да и в колхозе грузы они таскали немалые. Вот и описал Володька на вырванном из школьной тетрадки листке, как Андрей отлично управляет со своим хлопотным хозяйством. За выпрошенные у матери десять копеек купил у Артема конверт. Переломил исписанный убористым почерком листок, бережно вложил в конверт и послонявил полоску сбоку, а чтобы крепче запечатать, пристукнул кулаком. Подписывал с особой аккуратностью, словно от этого зависела судьба его послания. Как правило, первому письму в редакцию суждено либо окрылить автора верой в свой талант, либо припечатать так, что он, как улитка, спрячет голову в панцирь, считая себя бездарью. Все зависело от того, опубликуют или нет его творение.

Замешкавшись, собираясь в школу, Володька запыхался, пока возле речки нагнал почтальона и вручил ему конверт. Артем, прежде чем опустить письмо в сумку, прочел, кому оно адресовано, и искренне удивился:

— Ого, впервые вижу письмо в редакцию!

Володька засмутился, что-то пролепетал. Но тут подросли соседские ребята, и темы для разговоров нашлись совсем иные. В этот раз все подтянулись к Якову Круку, за которым надежно закрепилась птичья кличка Бусел. Точнее, досталась она ему от отца, который при ходьбе высоко поднимал ноги, будто перешагивая с кочки на кочку. Такую походку унаследовал и сынок. Не зря ведь говорят: яблоко от яблоньки...

Будучи нелюдимым, Яшка обычно держался в стороне. А тут из него повалила похвальба, будто почки на бульбе в погребе, которые, почуяв весну, любыми путями стараются прорваться наружу. Почитай, готовы крышу поднять к небу на длинных тонких ростках.

Инна СПАСИБИНА
ДВА НАЧАЛА

Стихи

Этот ветер — бродяга и плут и целуется в губы,
Он сбивает дыхание и с ног — нидохнуть, ни шагнуть,
И «свистит» про любовь, и свистит в водосточные трубы,
И манит за собою в поземками высланный путь.
Я пошла, я доверилась, так простодушно и скоро,
И, шагнув за порог, натянула платок до бровей,
Когда в снежной постели ворочался заспанный город
И, махая ветвями, деревья рвались из аллей.
И гудела земля, и стонали морозные версты,
Тосковала, томилась, мелась и металась душа...
Ветер тучи порвал — и в прореху посыпались звезды,
Стало тихо вокруг, и сошла благодать из Ковша...

Еду в душном вагоне, уткнувшись в стекло головою,
Бьется тонкая жилка под прядью волос у виска,
И огромное небо висит надо мной грозное,
По которому ветер несет и несет облака.

И мерещится мне: совершают свой путь пилигримы,
Вереницею длинной влекутся они на закат,
Где кровавым пожаром, подобно горящему Риму,
Полыхает заря и над городом вечер распят...

Ветер воет протяжно, как плакальщик воет на тризне, —
Не о нас ли, пропавших на долгом нелегком пути?..
И великой тоской о далекой Небесной Отчизне
Наполняется сердце и ноет... так ноет в груди.

Иосиф РОГАЛЬ

СТЕКЛОДУВ

Повесть

Меня, безудержно мечтавшего стать городским человеком с рабочей профессией, забросило в Днепропетровск. Мне было пятнадцать лет. Стояла по-южному теплая июньская пора.

Целыми днями я бродил по гулким улицам и читал все подряд объявления, наклеенные на щитах горсправки, на досках у проходных заводов, на воротах цехов и мастерских, на телеграфных столбах. Везде «Требуется...», «Требуется...», «Требуется...».

Эти слова вселяли в меня большие надежды и неустанное желание продолжать поиск.

Когда я читал длинные и короткие столбцы названий профессий, обладатели которых приглашаются на работу, мое сердце начинало учащенно биться, если взгляд встречал слова «требуется разнорабочие». Я немедленно шел в отдел кадров, местонахождение которого указывалось в конце объявления.

Сообщив кадровику, что я пришел по объявлению и очень хочу у них работать, слышал в ответ:

— Покажите ваши документы.

Я протягивал сложенное вчетверо свидетельство об окончании семи классов сельской школы. Принимая его, кадровик добавлял:

— А паспорт?

— У меня нет паспорта, — искренне и не осознавая значения этого факта, отвечал я.

— Как нет? — удивленно, но спокойно говорил собеседник. Однако поняв, что имеет дело с сельским парнем, и читая в моих глазах надежду, граничившую с мольбой, мягко, а порой с неподдельным сочувствием продолжал:

— Думаю, вы нам подошли бы, но паспорт необходим, без него нельзя принять, в том числе и разнорабочим. А кроме того, в паспорте должна быть еще и городская прописка, — как бы просвещал меня он. — Так что извините, дорогой, — и этим завершал беседу.

Примерно такие же ответы ежедневно получал я, обходя многие предприятия, включая металлургические и машиностроительные заво-

ды, швейные, ткацкие и другие фабрики различных масштабов, автоколонны, гаражи и еще немало разных мест, где нужны были работники.

Из объявлений впервые узнавал о существовании таких специальностей, как литейщики, шихтовщики, прокатчики, формовщики, такелажники, фрезеровщики, резьбонарезчики, штамповщики, прессовщики, а также забойщики, мездровщики, обвальщики, о которых ничего не знал и раньше не слышал.

И все же каждый отказ ничуть не уменьшал моего оптимизма, и я продолжал свои поиски. А когда встречал объявления «Приглашаются ученики» по таким-то рабочим специальностям, моя надежда крепчала! Я твердо верил, что на каком-нибудь предприятии меня все же трудоустроят и из меня получится хороший рабочий. Душа моя просто кричала, что я буду способным учеником, что любое дело освою в предельно короткий срок и что самая сложная работа будет мне по силам. Нередко даже представлял, как иду по цеху большого завода в рабочей одежде, а мне вслед кивают старики и шепчутся: «Очень способный парень».

Именно с этим предвкушением радости и гордости я продолжал ходить по городу целыми днями. А к вечеру шел к Днепру, где поднимался на высокий бетонный мост. Я очень люблю мосты. На них рождаются сладкие романтические мечты.

С высоты моста был виден весь город. И пока еще не стемнело, я старался определить, в каком месте побывал, получая отказы. Но что поделаешь, всему помехой оказался этот паспорт. Признаться, я даже не представлял, как он должен выглядеть. Из всех необходимых документов реально знал только, что собой представляют справка и свидетельство об окончании семи классов.

Позже я узнал, что у нас, в сельской местности, паспортов не выдавали. Запрещалось законом. А без него колхознику дорога в город закрыта. Ну а если крестьянину очень нужно было жить или работать в городе, то колхоз выдавал справку о том, что он отпускает этого человека. Но никто из моих односельчан, в том числе и семейных, не обращался в колхоз за такой справкой, хотя ездили на сезонные заработки буквально каждое лето. Да и местное начальство не возражало при избытке рабочих рук на селе. К тому же в колхозе платили заработную плату только по итогам года.

Стоя на мосту, я смотрел на расстилавшийся перед глазами огромный город, освещенный тысячами вечерних огней. Казалось, добрая половина города выключила станки и села на перекур. Но над огромными трубами доменных и мартеновских печей в вечерней тьме лизали небо гигантские языки красно-желтого огня. На стройках беспрерывно мигали синие точки сварки. Город не спит и ночью. Он трудится.

А подо мной раскинулся городской парк имени Шевченко. Я не без усилий отрываю глаза от труб заводов и перевожу взгляд на него, куда, как только стемнело, со всех сторон потекли людские реки, сливаясь в широкий водоворот. Где-то на танцплощадке играет эстрадный оркестр. Медленно, как огромная небесная корона, сверкая кругом разноцветных лампочек, вращается колесо обозрения. Не перестают взлетать лодки-качели, глухо чиркая киями по пружинящим колодкам деревянных тормозов. Шумит пропеллерами «петля Нестерова». На перекрестках аллей плотными кучками людей окружены мороженицы в белых курточках. Щелкают, как кузнечики, подсвеченные автоматы газированной воды. И всюду снуют люди.

Татьяна КАЛЕНИК

СОЛО ОБОРВАННЫХ СТРУН

Рассказы

КАК ВСЕГДА

Все шло, как и всегда.

Как всегда, для решения важных повседневных задач чего-то не хватало: не то времени, не то практики, не то так чего... Чаще всего подобный жизненный расклад становится привычным, и мы приспособливаемся к его неудобствам. Может, так все продолжалось бы и дальше, но в дверь постучали...

— Кто там?

— Я, — отозвался слегка взволнованный голос с той стороны. Он словно пронизывал Ульяну насквозь, выныривая где-то в зоне солнечного сплетения.

«Я?! — подумала Ульяна. — Так это как раз то, чего мне так не хватало все это время! «Я-я-я...» И где оно пропадало?.. Неужто я потеряла его?! Забыла на вечеринке? А быть может, оно разобиделось и убежало от меня куда глаза глядят? Да нет же, все гораздо проще: у меня его украли. Но ведь вернулось! Ко мне вернулось мое «я»! Ох, и чего это я стою, как девица на выданье, наверное, оно проголодалось, утомилось с дороги?» И руки сами потянулись, чтобы открыть дверь.

На пороге стояла фигура, показалось, мужского сложения. Ее Ульяна не сразу и разглядела — фигура будто слилась с осенним рыжевато-сизым фоном, таким же умиротворенным и унылым. Женщину охватило непонятное, но до боли знакомое чувство — воссоединение двух «я» стало воздействовать подобно мощному оберегу, утерянному в безмерном далеком прошлом, где он — это она, или наоборот...

Удивительно, но посетитель производил впечатление человека холеного, хотя и нес за сутуловатыми плечами почти необъятный багаж знаний и опыта. Ноша не казалась чрезмерно тяжелой, она скорее напоминала крылья, готовые раскрыться в любой момент, чтобы уберечь их владельца от опасности.

Обессиленная фигура, не дождавшись позволения войти, сползала на пол по эту сторону двери, как это всегда бывает, когда идешь, идешь,

идешь, не замечая усталости, а едва переступишь заветный порог, падаешь с ног...

«Боже мой, хорошо-то как!» — радовалась Ульяна, утопая лицом в пушистом свитере такого знакомого ей незнакомца! Словно обвенчанные вечностью, танцевали они... нет, не под ритмы любимых песен — все, о чем пелось с заезженной пластинки, вдруг стало не про них. Он и она кружили под мелодию грез, под тонику миллиона миллионов сполохов в венах, под созвучие тока крови! Были они здесь и сейчас? Ловили маршрутную «тарелку» где-то на космическом шоссе? Они — танцевали. И с каждым очередным па в уют Ульяниной обители прокрадывалась, вливалась, вживалась несурезица его и не его привычек, многоликость друзей и недругов, щекотливая прохладца наследников и... затаенное дыхание той, другой женщины, которой посвятил он всю свою жизнь. Жизнь, но не сокровенность. Поддерживая каждый неуверенный шаг, она — его вдохновенный полет — всегда была рядом. И даже сейчас из упавшего рюкзака Ульяниного гостя вывалилось две картофелины, баночка маринованных грибочков и пара дорогих шоколадных конфет.

...На кухонном столе торжественно пыхтел самовар и тонко побрякивала изысканная посуда, дождавшаяся «особого случая». Подперев подбородок ладонью, Ульяна молча слушала, как неустанно и живо что-то говорит, говорит, словно исповедуется, это ее бог весть откуда свалившееся «я». Поблекшие губы по-мальчишески разгоняли завитки пара над блюдцем, громко и смешно вытягивали ароматный чаек вприкуску с конфетой... Ульяна так и не решилась побаловать себя лакомством из его рюкзака.

«Я»... Такое родное, свое, но — как всегда — чу...
Чужое ли?

БЕЗ ОБРАТНОГО АДРЕСА

К Ивонниной калитке — вот только что — не ветер-почтальон подходил. Двигался он легко и проворно, прижимая к груди подготовленную корреспонденцию. На этот раз ветер принес: обрывок старой газеты вместо рекламного флаера, измятый фантик, похожий на обертку от батончика «Чиполлино», ветхий конверт, весь залатанный марками.

Ивонна заулыбалась, стало уютно: «Мне... живое письмо! Хм... И какому чудаку вздумалось пользоваться обычной почтой в наши-то дни?!» Не менее удивленный почтальон задумчиво потоптался на месте... поднес конверт близко к носу, поднял перед собой, чтобы увидеть на просвет, что в нем, и плавно опустил в кармашек выцветшей калитки.

Едва успев выскользнуть из домашних тупелек, изящество коих подчеркивали пушистые помпоны, Ивонна бежала навстречу почтовой интриге так, что разомлевшие у порога хризантемы недовольно заворчали ей вслед! Сердце гудело колоколом, дыхание перехватило, во рту стало невыносимо сухо и сладко, а из почтового ящика — обрывок старой газеты... скомканный фантик (нет, не от батончика «Чиполлино»)... свернутая улиткой жвачка-хохотушка (пожеванная)... и меланхоличный окуроч, по приметам которого легко определить, как долго не проверяли почту... А зачем? Газетный киоск почти у дома, а открытки и письма — это, считай, затерянная цивилизация.

...Ах, да, конверт. А вот и он! От тоненького пакета исходило подкупающее тепло, грело ладони... Наивное «Лети с приветом!» на его оборот-

ной стороне навевало не то ностальгию, не то сумятицу в восприятии времени. Ивонна то проваливалась, как ей казалось, в колодец прошлого, то находила себя здесь, в настоящем. Ну конечно, это вовсе не она странствовала между далеким «вчера» и убежавшем вперед «сегодня», а именно он — этот загадочный конверт, бог весть откуда свалившийся в ее тихий, давно обустроенный мирок. Возможно, отправленное кем-то и когда-то для нее послание с, может быть, судьбоносным вложением, по чьей-то банальной халатности мыкалось все эти годы между забытыми богом полустанками, перевалочными пунктами, городами. А столько всего произошло: «перестройка»... лучезарная улыбка первенца... перемена места жительства... перемена места в жизни...

Усердно выведенные буквы все же гуляли по пожелтевшему полю конверта, а в двух местах размазались чернила. Легкое прикосновение пера и особый наклон, несмотря на то, что Ивонна видит этот почерк впервые, казались как будто знакомыми. «Скорее всего, ошибка...» — эхом отозвалось сомнение. Однако простые милые строчки «Куда», «Кому» на лицевой стороне конверта утомили смятение: имя, фамилия, улица соответствовали адресату, а значит — ей. Обратный адрес не указывался. Правда, стояла скованно-размашистая подпись «Лето».

Наспех оборванный край конверта обнажил тайность: кленовый лист! На его гибком багрово-оранжевом диске — мелодии Города. Их заботливо записывало... Лето.

...С пыльной поверхности отцовской радиолы живо сползла вышитая салфетка. Она все еще обнимала своей мережной изящностью откомандированную в чулан рухлядь. Как давно ее никто не включал! «...И все же здорово, что не выбросили!» — Ивонна ощутила, как волнующая приятность пронеслась по всем точкам и полуточкам ее сложного внутреннего устройства и приостановилась в подушечках пальцев, в ожидании чуда. Женщина разместила пластинку на планшайбе радиолы и бережно, не дыша, опустила «лапку». Закружились пылинки, время, обрывки снов и сериалов, фрагменты прожитого, прочитанного, придуманного... Игла побежала по обшарпанной бороздке диска, пробуждая старую ламповую реликвию, и усталые звуки, будто выныривая из какого-то другого, то ли забытого, то ли не ведомого ей мира, начали наполнять утомленный тишиной чулан.

В нотах — многоголосье сахарных петушков на ступенях «Комаровского рынка»... так никем и не услышанная исповедь «Хлусова моста»¹... неукротимый танец чемоданов на привокзальной... оттолкнувшийся от полусонного перрона Икарус, и... сквозь невнятное бормотание мотора, — придыхание пассажира, впрыгнувшего на последней секунде в салон автобуса: «Простите, у меня билет на это место».

¹ Мост через Свислочь в Минске, соединяющий так называемый Нижний город и Троицкое предместье издавна назывался Хлусовым. Здесь можно было встретить цыган, которые предлагали горожанам погадать, и других прохвостов. Это место считалось неблагоприятным, здесь могли обвести вокруг пальца и обворовать.

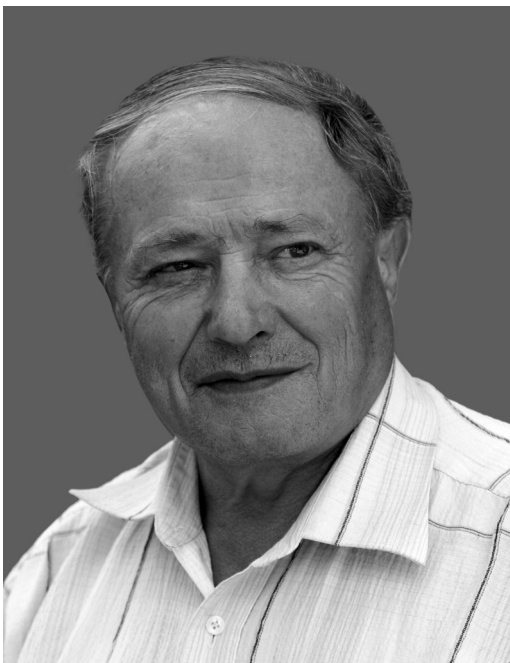

«Стихи приходят бессонными ночами...»

Интервью с Виктором Гордеем

Неисповедимы пути Господни. Так случилось, что в декабре прошлого года мне в руки попали книги Виктора Гордея. Признаюсь, плохо знала творчество этого писателя. Да, его стихи, которые встречались в литературных журналах, нравились, но что касается прозы... Мне, коренной горожанке, казалось, что жизнь белорусской деревни — не та тема, к которой хочется возвращаться после школы и университета. «Мы ленивы и не любопытны» — с этим не поспоришь. И вдруг, начав читать «Па Сеньку і шапка», не смогла оторваться. Удивленная собственной реакцией,

прочла «Дом з блакітнімі аканіцамі», «Уратуй ад нячыстага». И в который раз убедилась: если написано талантливо, с любовью к тому, о чем рассказываешь, это обязательно найдет отклик. К тому же все книги Виктора Гордея не только о деревне и катаклизмах, которые она переживала в XX веке, а прежде всего о людях, живущих по «законам своего времени», о людях, типажи которых знакомы даже коренным горожанам старшего поколения. Обнаружив острый дефицит интервью с Виктором Гордеем, решила напроситься и пообщаться с ним сама. А буквально через две недели, 23 января, Виктор Константинович умер. Не стало совестливого, скромного, доброго человека. Талантливого белорусского писателя, лауреата Литературной премии имени Ивана Мележа и Литературной премии «Залаты Купідон». Осталось интервью. И стойкое убеждение: все в жизни нужно делать вовремя. В том числе и выразить достойным людям свое восхищение...

Казимир КАМЕЙША

Страну он видел из Дубровки

Свои биографические заметки он так и назвал: «Я — из Дубровки». Некоторые уловили в этом даже какой-то вызов. А он отшутился: «Это я сделал назло своим недоброжелателям». «Ты, Антоша, снова о своей Дубровке», — часто слышал он и от друзей. «Так о своей же!» — слышали в ответ от него.

Дубровка Хотлянского сельсовета на Узденщине — малая родина поэта Антона Белевича. И какими бы дорогами он ни ходил, где бы ни работал, всегда возвращался сюда, в родную деревню. И в мыслях, и в поэзии он всегда был с нею. Только она давала ему ту чарующую и таинственную силу, которая живила его творчество. А его лучший друг поэт Анатолий Велюгин ска-

зал об этом так: «Если б не было лесной деревеньки Дубровки, гораздо беднее смотрелась бы поэтическая карта Беларуси». И не простой галочкой отмечился на этой условной карте Антон Белевич. В отечественной поэзии он оставил значимый след, непохожий на другие. Да это скорее и не след, а целая поэтическая дорога. Очень уж своеобразный поэт, способный постигнуть народную жизнь, во всей ее мудрости, сложности, противоречиях, да и в хитрости. Простой и самобытный внешне, он был необъяснимо сложный внутренне. Многие, не понимая этого, не могли или не хотели понять и его поэзии, но она сама способна была отвечать за себя и за своего автора. Правда и искренность, которые были ей присущи, всегда требовали такого же читательского соучастия и откровения.

При жизни о нем ходили легенды, многие из них живут до сих пор. А ведь сочиняют далеко не о каждом человеке. Но и то, что по-настоящему случалось с поэтом, почти всегда тянуло на легенду. Антону Белевичу не хватало в этой жизни необычности. Он искал ее и всегда находил только для того, чтобы утешить себя и удивить других. А на своей поэтической делянке поэт трудился вдохновенно, уверенно и ежедневно. Удивительным было рабочее расписание дня Антона Петровича. Поднимался он еще до восхода солнца, принимал холодный душ и сразу же садился за

рабочий стол. А вставал из-за него уже во второй половине дня. Такой режим работы скорее подходит прозаику. Но это было твердой привычкой поэта, неизблемым правилом, нарушить которое могли только какая-то дорога, командировка или же жизненная случайность. Во второй половине дня Антон Петрович мог позволить себе немного расслабиться. Празднично одетый (всегда свежая белая сорочка, яркий галстук, хорошо отутюженный костюм — полнейшая «шляхетнасць») выходил в город. Шел по редакциям, проведать коллег и друзей. Чаще всего начинал с «Нёмана», редакция журнала находилась рядом с домом, на проспекте, где он жил. Редакционные посиделки часто заканчивались поздно, иногда перерастали в застолья, но всегда поднимали творческое настроение и обнаруживали жажду писать.

Прежде, чем познакомиться с его поэзией, я, еще подростком, наслухался о нем самых невероятных сплетен от наших деревенских над-неманских всезнаек. Рассказывали, что в Столбцах живет первая жена известного поэта Белевича, воспитывает дочь. Сам он — «дужа багаты чалавек» — тратит деньги направо и налево, одаривает и угощает каждого встречного. Обитает в Минске с новой женой, но не забывает Столбцы. Народная молва в мере своей не скромничает, и в своих придумках она часто не уступает писателям. Сплетни... Тот же Анатолий Велюгин, сам не избежавший участи пострадать от вездесущих домыслов, успокаивал почитателей таланта друга вот какими словами: «Чужачество оставалось анекдотом в литературном предбаннике, а честность и щедрость его сердца и мысли уважали многие». Но слухи и сплетни бывают полезными хотя бы в том смысле, что они заставляют нас обращаться и к произведениям того, кого они касаются. Это, как ни крути, та же самая реклама. Вот и я тогда в деревенской библиотеке, которой заведовала моя тетка Ванда, отыскал первую Антологию отечественной поэзии («Беларуская савецкая паэзія») 1949 года и нашел там стихи Антона Белевича. Слово «Дубровка» в подборке поэта повторялось несколько раз и в одном, и другом стихотворении. А вот подчеркнутое мною:

І цёпла на сэрцы маім,
За працай забылася гора:
І летаў багата і зім
Не жыта я нюхаў, а порах.

Давно уже нет той библиотеки, о которой я пишу. Но книгу я сохранил. Потертая и выцветшая, она прошла со мной почти через всю жизнь и всегда была для меня своеобразным поэтическим справочником. Не помню только, когда подчеркнул карандашом эту цитату. Может, даже и не в школьные годы, а позже — тогда еще в поэзии понимал мало. Но строки поэта из стихотворения «Хлеб», написанного в 1945 году, внимания стоили. Это я говорю уже из сегодняшнего дня. Вдумайтесь в эти строчки. Как созвучны они были тому, послевоенному, времени. Тот хлеб, который пекли в печах, уцелевших на былых пожарищах, действительно пах порохом. Я, рожденный в войну, хорошо помню этот запах.

Антон Белевич был человеком открытым для дружбы, терпеть не мог нечестности и двурушничества, всякого притворства и низкопоклонства и там, где ему приходилось с этим встречаться, резал правду-матку просто в глаза. Мог ответить и себе равному, и высокопоставленному чинуше. Рангов для него не существовало. Считал: если ты человек, так

и отвечай за все по правилам человеческого приличия. Часто и к молодому, еще только начинающему литератору он относился как к зрелому ровеснику и говорил с ним, не исключая те самые требования.

Когда мы с ним познакомились, был я совсем зеленым юношей, но сразу сообразил, как надо вести себя: всякая фамильярность тут исключалась, лишняя болтливость — также. Если Антон Петрович разговаривает с человеком его же лет, тогда молчи, не вмешивайся, не перебивай. И если кто-то из молодых нарушал это правило, он тут же останавливал резким: «Молчать, желторотик!» Для меня это слово звучало как-то успокаивающе, с хорошей мерой иронии, исключая всякую обиду. А его другое обращение — «собака» — имело характер уж совсем уважительно-ласковый. Его надо было еще заслужить. И произносилось оно тогда, когда в глазах поэта кто-то заслуживал самой высокой похвалы и благодарности: «Смотри, как здорово закрутил здесь, собака!» Как никто другой, владел Антон Петрович хорошим народным юмором, наблюдательностью, давал очень точные характеристики своим знакомым и друзьям, рубил, как говорят, сплеча и напрямую. Меня часто называл «шляхтюком». Но не было в этом никакого упрека или насмешки. Сразу же и пояснял: «Ты не думай, я ведь тоже шляхтюк. У моего деда была своя мельница».

Как-то заходит в редакцию (а работал я тогда на Белорусском радио), поздоровался с каждым за руку и подозрительно прошелся взглядом из-под очков по моему столу. Я сразу понял, что смутил его мой новый свитер в яркую сине-красную полоску. Эту обновку я получил в подарок от родственников жены, решил щегольнуть. Поэт тут же и ошарашил всех своим восклицанием: «А ты что сидишь, как снегирь на снегу?» Громыхнул общий хохот. Надевать свою обновку после этого мне не захотелось.

Вскоре наше знакомство переросло в настоящую дружбу старшего с младшим, я часто бывал у него дома, иногда даже срывался с работы, услышав внезапный зов по телефону. Упрашивать он не любил. Его приглашение обычно звучало как приказ старшего младшему. И поэт, и его жена были людьми гостеприимными. Всегда накрывался почти праздничный стол. Засиживались за ним допоздна. Не обходилось без чтения любимых стихов. Хозяин иногда вставал из-за стола, шел в свой рабочий кабинет и возвращался оттуда уже с книгой, раскрытой на нужной странице:

— Прочти вот это. Ты, Корнет, хорошо читаешь.

Все тогда с легкой руки Анатоля Велюгина величали меня Корнетом. Я не обижался. Читать то, что мне нравилось, на радио я, слава богу, научился, как и слушать.

Я вслух читал уже знакомое мне стихотворение «Матылі». И вскоре знал его наизусть:

У нашай сонечнай хаціне,
Здаецца, сцены расцвілі:
То колер жоўты,
Колер сіні,
То матылі ўсё,
Матылі.

.....
Лаўлю і гладжу я рукою
Па аксамітавым крыле...
А гэта вышыты табою

Ружова-сіняю каймою
Матыль крылаты на стале.

За стеклышками очков незаметно набегала слеза. Поэт сразу хватался за спички, чтобы прикурить новую сигарету.

— Ну, как, здорово? — улыбался он.

— Еще как здорово! — вторил я его настроению.

А когда хозяйка оставляла нас вдвоем, делился он и своим секретом:

— Это я про свою столбцовскую написал... Первую жену. Красавица была...

— Так и вы ж...

— Ну и я тоже... — соглашался поэт, и ярче начинали блестеть стекла его очков. Он продолжал:

— Это я написал во время войны в Москве, вспоминал счастливое довоенное время.

Чувствовалось, что на душе его теплеет. Любая льдинка тут же таяла. Совсем детской становилась улыбка. Мы много говорили о той военной Москве, где Антон Белевич задержался надолго. Ему было что вспомнить и рассказать. Рассказывая, иногда повторялся, но не любил, когда его перебивают. Я это знал. Да и работал на радио, умел слушать и улавливать главное.

В Минск Антон Белевич возвращался уже с новой женой, сегодняшней хозяйкой квартиры. «Единственное мое завоевание тех военных лет — это моя жена Аня», — часто шутил в кругу друзей. А в поэзии, как и в жизни, оставался тружеником самым неутомимым. И тогда, и позже, в годы зрелые, писалось легко и много. Возможно, «легко» — совсем не точное мое определение творческой активности Антона Белевича. Уже давно и на своем собственном опыте я убедился, что в творчестве никогда ничего легкого не бывает. Многие даже называют труд этот адским, несмотря даже на высокую славу настоящих поэтов. Лучше всего послушать, что Антон Петрович говорил о своем творчестве: «Встречи с Купалой и Чорным, как и дружба военных дней с Александром Твардовским, Аркадием Кулешовым, Александром Прокофьевым, Николаем Асеевым, сердечные беседы с этими чудесными поэтами посеяли в моем сердце жажду творчества.

И до войны, и в начале войны я написал множество стихотворений, но произведением, с которого начинается моя настоящая, более заметная и значимая литературная работа, считаю поэму «Мой мастер», начатую в тяжелые дни войны в партизанском краю, в героических отрядах батьки Миная на Витебщине».

Тогда поэты не стеснялись читать друзьям свои новые строки. В кругу друзей в московской гостинице читал свою новую поэму в рукописи и Антон Белевич. По лицам слушателей можно было понять, что произведение белорусского автора им нравится. Первым высказал свое восхищение Александр Твардовский, его поддержал Аркадий Кулешов. «Майго майстра» сразу же взялся переводить на русский язык Дмитрий Осин. И майский номер журнала «Новый мир» за 1944 год открывался поэмой еще мало кому известного белорусского автора.

Что же касается дружбы с русскими поэтами, Антон Петрович оставит нам такое воспоминание: «Сердечной дружбой связан я с русскими поэтами, с родной Москвой, откуда, кстати, и моя жена Анна Степановна, которая порадовала меня, подарив нашему веку двух чудесных сынов

да славную дочь. Поэтому, возможно, вслед за поэмой «Мой мастер» я написал другую поэму — «Семья», в которой воспета крепкая, трудолюбивая, большая семья нашего времени». Эту поэму Антона Белевича перевел на русский язык известный ленинградский поэт Александр Прокофьев, а напечатал журнал «Звезда».

Военная дорога повела Антона Белевича сначала в Казань, а потом — в Москву, где он трудился в сатирических изданиях «Партизанская дубинка» и «Раздавим фашистскую гадзину». Поэт не считался военнo-обязанным по состоянию здоровья, но когда потребовалось однажды отправиться во вражеский тыл, он первый, не раздумывая, откликнулся на горячий призыв командования партизанского движения. В Москве тогда находилась целая группа творческих собратьев-белорусов, но смельчаками среди них оказались только двое — он да Анатолий Астрейко. Требовалось своими глазами увидеть, засвидетельствовать, как живут, бьют врага наши земляки-партизаны, а потом рассказать об этом читателю. Дорога, что и говорить, рискованная, а задание совсем не простое, не похожее на те, которые когда-то давали в редакциях в довоенном Минске.

И ушел Антон Белевич, под огнем врага, без сна и привалов, через известные Суражские ворота во вражеский тыл. Партизанские связные доставили его к батьке Минаю и Даниилу Райцеву. Антон Петрович потом часто рассказывал о своих партизанских буднях, было в его воспоминаниях немало приключений — до смешного, а все самое трагическое угадывалось только в подтексте. Все скучное поэт оставлял себе. О самом выстраданном знали немногие да он сам.

Однажды Антон Петрович захотел посмотреть в бинокль, как догорают вражеский гарнизон, разгромленный партизанами, и только приложился к окуляру, как выстрел немецкого снайпера скошил командира Курмелёва, который был рядом. Пуля, по всей видимости, предназначалась Белевичу, но выбрала командира. Можно только представить, как ощущал себя поэт в такой непредсказуемой ситуации. Как будто он и виновен во всем непоправимом.

И снова смерть была рядом с ним. Тогда же, возвращаясь в Москву, Антон Белевич заночевал в лесной деревеньке, которая считалась партизанской заставой. Каратели в тот раз скрупулезно продумали свою операцию. Они переоделись в одежду деревенских косарей и вырезали всю партизанскую заставу Шпака, что прописалась в деревне. Тогда он, чудом вырвавшийся из огня, привез в Москву эту страшную весть.

Из вражеского тыла Антон Белевич возвращался с материалом, которого бы хватило на десятилетия и на множество произведений. Годы потребовались, чтобы это все отстоялось и осмыслилось в памяти. Но было и то, что требовало его свидетельского голоса сразу же, по следам свершившегося. В то время написана его известная баллада «Смерць Маланні». Она давно уже обрела хрестоматийное звучание. Кратко напомним ее содержание.

Действие происходит в оккупированной врагом деревне. Каратели хватают и арестовывают жену лесника Маланью Корчик за то, что муж ее — партизан и большевик. Уже понятно, что спасения не будет. Но наказание ни в чем не виновной каратели придумали показательно-изошренное. Женщине дают в руку зажженную свечу, обнадеживают условием: если она пронесет ее через всю деревню и та не угаснет, останется жива. К сожалению, война способна играть и в такие игры.

Григорий ШАУРО

Поэма о мудрости и стойкости

Поэма Михаила Кузьмича «Дзед Базыль» привлекла мое читательское внимание несколько необычным стихосложением, языком, больше характерным для бытовой разговорной речи, — так называемой трасянкой. Но не только эти особенности отличают произведение. Когда я более подробно ознакомился с содержанием книги, для меня стало очевидным, насколько глубоко автор отразил эпоху, время и судьбы людей — своих земляков, родных и близких, которые жили в Кореличском районе Гродненской области. Автор постарался максимально правдиво рассказать об их проблемах и чаяниях на протяжении всего XX века. Трудности народа в период Первой мировой войны, раздел территории Беларуси на западную и восточную, угнетение народа, его боль и переживания остро и проникновенно показал автор, рассказав о судьбе своих героев — простых крестьян.

Особое место в поэме Михаила Кузьмича заняла Великая Отечественная война, принесшая в жертву миллионы людей, невиданные разрушения и человеческие страдания. Все эти исторические потрясения не смогли сломать человеческую веру в правду и неистребимую жажду жизни. Братские взаимоотношения соотечественников автора в самых сложных обстоятельствах, борьба добра со злом, преодоление невероятно драматических жизненных коллизий стали главным смыслом произведения.

Главный герой поэмы — дедушка Михаила Кузьмича по материнской линии Василий Федорович, на долю которого выпали суровые жизненные потрясения. Дед Базыль предстает в поэме несгибаемой, сильной личностью, борцом за правду и лучшую долю человека в жестоком мире.

Яркое место поэмы — сцена эвакуации в связи с наступлением германских войск, в эпицентре которой оказалась и деревня Любаничи Кореличского района Гродненской области. Автор с поразительной подробностью передает накал человеческих страстей и весь трагизм обстоятельств, в которых оказалась беженцами и большая семья деда Базыля:

...Ранак той, — казала бабка, —
Не забыць ніколі:
Цяжка было нажытое
Пакідаць у полі.
Усё пакінулі пад Мінскам —
Вазы і кадушкі,
Ўзяўшы кроўнае, што блізка —
Дзяцей ды дзяружкі.
І старыя, і малыя
Выйшлі на прагоны,

Каб хутчэй, пакуль жывыя,
Сесці ў вагоны...

В образе главного героя поэмы деда Базыля автор сконцентрировал лучшие человеческие качества: мудрость, стойкость и решительность в преодолении критических жизненных обстоятельств. Читая, невольно задаешь себе вопрос: как спасались люди в такой стрессовой ситуации, с душевным надломом и страхом за детей и близких? И только несгибаемая вера в победу добра над злом, вера в силу духа, надежда на то, что завтрашний день хоть на толику сможет приблизить свет в темноте бегства, помогали человеку жить и выживать вдали от родных мест.

В свободной, можно даже сказать, простонародной манере стихосложения, легко воспринимают читатели и правду жизненную, и правду художественную.

Пережитая эвакуация на Урал многому научила и закалила семью деда Базыля. Но звали домой родные места... Автор подробно показывает читателям трудное возвращение домой — на лошади по тысячекилометровым грунтовым дорогам. Дед, прагматичный и глубоко верующий человек, кроме необходимых для прожитья вещей и продуктов, на телеге вез на родину детали для молотильни и церковный колокол. Пятеро дочек — Маня, Катя, Соня, Даша, Аня, — а также Базыль и Тэкля рядом с повозкой пять месяцев шли пешком к родному дому, ночуя под открытым небом, добывая пищу в лесу. Однако родная земля встретила их сурово, даже трагически.

...Што на роднай іх сядзібе
Параслі асіны.
Дзе стаяла печ-ляжанка —
Куча чорнай гліны.

Но, несмотря на все испытания и трудности, жизнь на родной земле была счастливой:

У тую ж восень, як вярнулісь
Бежанцы дадому,
Быццам ў ліпень заглянулі
Дзянькі пасля грому.
<...>
Неба ім вышэй здавалась,
Чым там на чужбіне,
Смачней тут начамі спалась,
На сваёй радзіме...

На мой взгляд, читателю интересно вникнуть в бытовые, житейские дела сельчан, которые так подробно и точно описывает автор. Фон поэмы — драматичная история западных регионов и в целом история Беларуси XX века, испытания, которые выпали на долю героев. И мне кажется, любая белорусская семья увидит в тексте что-то и из своей личной истории. Именно правда жизни, пусть даже преломленная через призму литературного повествования, убеждает читателя в реальности происходивших жизненных сцен и эпизодов.

Людмила ВОРОБЬЕВА

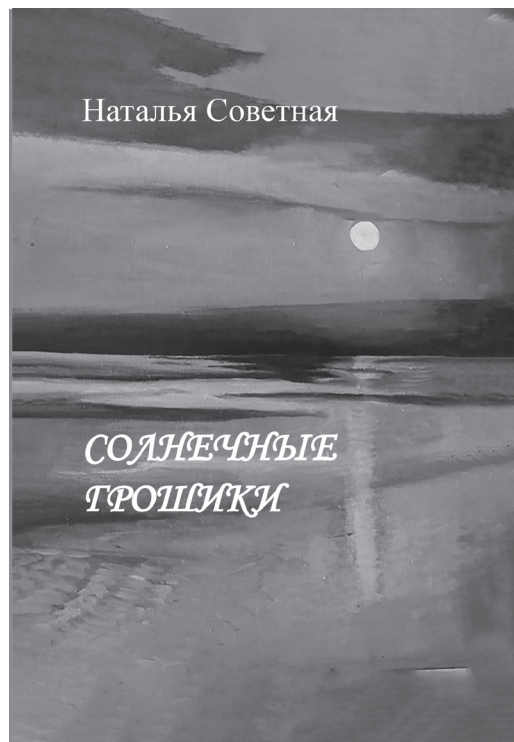
Волшебство мгновения

О книге лирики Натальи Советной «Солнечные грошики»

Мгновения жизни. Сила момента. Вся наша жизнь состоит из мгновений и настоящих моментов. Это целый мир вокруг нас, раскрывающийся в повседневных мелочах: сиянии облаков, шелесте листьев, пении птиц, снегопаде, ранней капели, объятии любимых, лицах прохожих, улыбках счастливых. Ты удивляешься многообразию жизни, ее наполненности, соединению этих моментов в общую картину Мироздания с прошлым, настоящим и будущим. Такую же вселенскую полифонию красок, звуков, запахов, ощущений наступающего нового дня дарит нам книга Натальи Советной «Солнечные грошики» (Санкт-Петербург, 2024).

Автор книги убежден: какие бы трудности и потери ни выпадали на долю человека, он не может долго пребывать во мраке и горе. Еще Блок писал о том, что подлинные художники всегда верили в лучшее, «они знали свет». И народ знает: «Рано или поздно все будет по-новому, потому что жизнь прекрасна». Русский гений говорил в данном случае о Пушкине, Гоголе, Толстом, Есенине.

Вера в свет, в красоту мира и человека — главные духовные составляющие в творчестве Натальи Советной. Ее стихи и проза изобилуют самыми разнообразными смыслами. На красочной авторской палитре — необъятный женский космос поэзии! Знакомясь с произведениями Натальи Советной, читатель задумывается и о хрупкости

человеческого счастья, и о своей земле, и о вековых устоях и духовном наследии предков. И во всем присутствует некая тайна.

На таинственном небе, безлуньем набухшим,
Словно искорка, так одиноко мала,
Засияла звезда над старинной избушкой,
Над прогнившей скамьей, что травой поросла...

(«На таинственном небе, безлуньем набухшим...»)

Ценность земного бытия можно отнести к ценностям вечным. Вариаций подобных мотивов много.

Что примечательно: книга приурочена к знаменательной дате — 90-летию Зои Егоровны Булаевой, матери автора, и посвящается всем любящим матерям. Благодаря маме Наталья Викторовна Советная сызмальства полюбила языки своих предков: как русский, так и белорусский. Криницей поэтического вдохновения также стали для нее песни, поверья, сказания — то бесценное богатство, которое оставили после себя в наследство предыдущие поколения. В стихах поэтессы тоже угадывается мелодика народной песни:

Отразилось в темных водах
Перламутровое небушко,
Потекла, как мед по сотам,
Сини звонкой ласка нежная.

<...>

А для матушки родимой
Зачерпну лазурь вечернюю,
В ней неслышно и незримо
Растворю любовь дочернюю.

Заискрятся радость-звезды
На глубоком щедром небушке —
Хватит всем водицы поздней
С лунным ломтем чуда-хлебушка!

(«Небушко»)

В стихах Натальи Советной — особый колорит, чистые и нежные тона. Как и в таких строках, адресованных самому дорогому для нее человеку: «Души твоей колокола / Беседуют с водою талой... / И первоцветом шепчут в поле. / Всегда, хоть летом, хоть зимой, / Тебе дано по Божьей воле / Пылать таинственной зарей — / Такая солнечная доля!», — когда вместе с автором ощущаешь величие и красоту Божественной любви. И на самом деле, материнская и дочерняя любовь подобно Солнцу, которое согревает и оберегает от превратностей судьбы. Образ Матери поистине космический. Не зря русские духовные стихи гласят: «Первая мать — Пресвятая Богородица, / Вторая мать — сыра земля. / Третья мать — коя скорбь приняла».

Именно с именем Матери, по мысли автора, неразрывно связано само понятие семейного очага, а также Дома Земного и Небесного, в котором все мы, несмотря на боль, потери и разочарования, когда-нибудь непременно встретимся. Цикл лирических произведений, проникнутых такими мотивами, несут особое тепло.

ШНИП Виктор Анатольевич. Родился в 1960 году в деревне Пугачи Воложинского района Минской области. Окончил Минский архитектурно-строительный техникум и Высшие литературные курсы в Москве. Автор ряда книг поэзии и прозы. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси. Заместитель директора издательства «Мастацкая літаратура», главный редактор журнала «Полымя». Живет в Минске.

ПРАВДИН Виктор Александрович. Родился в 1955 году в городе Лиде Гродненской области. Окончил Высшую школу МВД СССР. Автор ряда книг прозы. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси. Живет в Минске.

МАКСИМОВИЧ Валерий Александрович. Родился в деревне Троянец Логойского района Минской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, литературовед, критик, доктор филологических наук. Заведующий отделом философии литературы и эстетики Института философии НАН Беларуси. Живет в Минске.

СТЕЛЬМАХ Елена Анатольевна. Родилась в 1965 году в деревне Новосады Дзержинского района Минской области. Окончила факультет журналистики Белорусского государственного университета, Академию управления при Президенте Республики Беларусь. Поэт, прозаик, публицист, детский писатель. Автор книг для детей «Дуб і Крумкач», «У гасцях у Францыска Скарыны» и др. Награждена медалью Франциска Скорины (РБ) и золотой медалью Василия Шукшина (РФ). Заслуженный журналист Белорусского союза журналистов. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси. Первый заместитель председателя Союза писателей Беларуси. Живет в Минске.

СПАСИБИНА Инна Николаевна. Родилась в 1972 году в городе Донецке. Окончила Полоцкий лесной техникум по специальности «мастер леса». Поэт. Автор поэтических сборников «Обереги», «Солнцеворот» и др. Лауреат Литературной премии имени Кирилла Туровского и нескольких международных литературных конкурсов. Живет в Гомеле.

РОГАЛЬ Иосиф Михайлович. Родился в 1940 году в деревне Ласицк Пинского района Брестской области. Автор ряда книг поэзии и прозы для взрослых и юных читателей. Кандидат юридических наук. Член Союза писателей Беларуси и Союза писателей России. Живет в Москве.

КАЛЕНИК Татьяна Григорьевна. Родилась в 1965 году в городе Березино Минской области. Автор книг «Бабуліны шпулькі», «Каб не спыніўся рух». Дипломант литературного конкурса «Бацькаўшчына светлая мая» в номинации «Малая проза», лауреат республиканских и международных литературных конкурсов. Живет в Минске.